

Кожевников В. А., Трубецкой Н., Мансуров П. Б., Флоренский П. А., свящ., Новоселов М. А., Андреев Ф. К., Булгаков С. Н. Фёдору Дмитриевичу Самарину († 23/X—1916) от друзей // Богословский вестник 1916. Т. 3. № 10/11/12. С. 543—581 (2-я пагин.).

Феодору Дмитриевичу Самарину

(† 23 октября 1916 года)

отъ друзей.

(Замѣтки Вл. А. Кожевникова, кн. Гр. Н. Трубецкого, П. Б. Мансурова, свящ. П. А. Флоренскаго, М. А. Новоселова, Ф. К. Андреева и С. Н. Булгакова).

I.—Отъ кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія ¹⁾.

[Составлено Вл. А. Кожевниковымъ].

Смерть унесла внезапно человѣка рѣдкихъ, многостороннихъ достоинствъ: скоропостижно скончался Феодоръ Дмитриевичъ Самаринъ. Человѣкъ вдумчиваго ума, широкаго образованія, величайшей добросовѣстности въ мысли, словѣ и дѣлѣ, человѣкъ большой доброты, скрытой подъ сдержанной, на первый взглядъ, холодной внѣшностью, и, наконецъ, полный живой отзывчивости къ интересамъ общественнымъ,—Ф. Д. былъ достойнымъ представителемъ благородныхъ традицій рода Самариныхъ и вліятельнымъ дѣятелемъ въ средѣ общественной. Но не съ этой послѣдней стороны хотимъ мы помянуть его: оцѣнку его значенія въ этомъ смыслѣ лучше насъ дадутъ тѣ, кто ближе въ этомъ отношеніи стоялъ къ нему. Мы же оплакиваемъ утрату человѣка глубоко-религіознаго и достойнѣйшаго сына Церкви православной.

Религіозность строго продуманная, философски провѣренная соединялась въ немъ съ искреннею вѣрою церковною, съ преданностью родному православію. Сторонникъ широкой свободы религіознаго изслѣдованія, противникъ всякихъ проявленій фанатизма и нетерпимости, онъ въ тоже время убѣжденно исповѣдывалъ первенствующее значеніе начала

¹⁾ „Моск. Вѣд.“, № 256, суб. 5 (18) ноября 1916 г.

церковности въ религіозной жизни, а лично былъ искреннимъ сыномъ Церкви православной. Пристально слѣдя за ея тревожными и печальными судьбами въ наши дни, онъ горячо принималъ къ сердцу ея нужды, глубоко страдалъ ея нестроеніями и, по мѣрѣ силъ, старался противоdѣйствовать имъ не отрицательными приѣмами полемическаго протеста, а попытками создать что-либо положительное и благотворное въ противоdѣйствіе нежелательному, дурному. Усилія его въ этомъ смыслѣ были двоякаго рода: во-первыхъ, поднять общее значеніе религіозно-церковнаго духа въ жизни хотя бы скромной по размѣрамъ, ближайшей среды; во-вторыхъ, создать нѣчто практически цѣлесообразное для современныхъ нуждъ церковныхъ.

Въ первомъ смыслѣ вниманіе его сосредоточилось на проектѣ духовнаго сплоченія, вначалѣ хотя бы небольшого числа лицъ, близко принимавшихъ къ сердцу запросы религіозные, въ группу, которая носила бы характеръ не столько ученаго религіозно-философскаго общества, сколько духовнаго, интимно-дружественнаго братства, члены коего свободнымъ духовнымъ общеніемъ, бесѣдами, чтеніями и практической дѣятельностью въ церковномъ духѣ объединялись бы другъ съ другомъ, содѣйствовали прежде всего взаимно духовному росту, уясненію и углубленію религіознаго пониманія и оживленію религіознаго назиданія, а затѣмъ, по мѣрѣ силъ и возможности, пытались бы въ томъ же смыслѣ вліять и на окружающую среду, преимущественно современной молодежи. Осязательнымъ плодомъ этого замысла явился по почину Ѳ. Д—ча и единомышленныхъ съ нимъ лицъ возникшій въ Москвѣ „Кружокъ ищущихъ христіанскаго просвѣщенія“. Не намъ, членамъ его, говорить о дѣятельности его, или оцѣнивать ее; но намъ подобаетъ почитать словами горячей благодарности память его начинателя и сотрудника, и намъ же тяжело скорбѣть объ его незамѣнимой утратѣ.

Но если въ организаціи „Кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія“ сказалось стремленіе Ѳедора Дмитріевича къ подъему общаго и принципиальнаго развитія церковно-религіознаго духа, то усилія его создать нѣкоторыя практическія мѣропріятія къ улучшенію церковной жизни нашли себѣ выраженіе въ его дѣятельности въ „Братствѣ Святителей Московскихъ“. Эта сторона его трудовъ, конечно, най-

детъ себѣ подобающую оцѣнку въ откликѣ самого Братства на кончину его достойнаго сотрудника и бывшаго предсѣдателя совѣта; но нельзя, хотя бы въ краткихъ словахъ, и здѣсь не напомнить о томъ выдающемся положеніи, которое занималъ Ө. Д. въ жизни Братства: какъ выработка устава, такъ и осуществленіе намѣченныхъ задачъ, нашли въ немъ одного изъ главныхъ дѣятелей, проявлявшаго и тутъ неуклонно отличавшее его сочетаніе величайшей осторожности и почтенія къ авторитету Церкви съ величайшею же добросовѣстностью личнаго убѣжденія.

Но церковная дѣятельность и вліятельность Өедора Дмитріевича не ограничивались одной ближайшей къ нему московской средой: онѣ распространялись и на болѣе широкую область. Онѣ были виднымъ участникомъ Предсоборнаго присутствія. Извѣстность его не стояла однако въ соотвѣтствіи съ значительностью его дѣятельности: онѣ любилъ придавать характеръ труда коллективнаго тому, въ чемъ главнымъ труженикомъ и вдохновителемъ оставался онѣ, являя въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, благородную непоказность тѣмъ болѣе чистаго, тѣмъ болѣе возвышеннаго достоинства. Совокупныя услуги Өедора Дмитріевича Церкви православной были по заслугамъ оцѣнены Московскою Духовною Академіей, избравшею его своимъ почетнымъ членомъ.

Тяжела, всегда тяжела утрата людей такой выдающейся духовной цѣнности; но вдвойнѣ она тяжела въ наши дни жизни церковной, омраченной столькими проявленіями нестроенія внѣшняго и апатіи, мертвенности внутренней. Да будетъ память о столь достойномъ дѣятелѣ Церкви, какимъ былъ Ө. Д., не только жива въ душахъ сыновъ ея, но и да послужитъ она немеркнушимъ, яркимъ образцомъ для вдохновенія ихъ любить свою святую мать-Церковь не на словахъ лишь, но и на дѣлѣ, и исповѣдывать вѣрность еѣ неустаннымъ, добросовѣстнымъ и ничѣмъ неподкупнымъ подвигомъ.

(В. А. Кожевниковъ.)

II.—Замѣтка кн. Гр. Н. Трубецкого ¹⁾.

Сегодня исполняется сороковой день кончины Ѳ. Д. Самарина. У свѣжей его могилы хотѣлось бы немного вспомнить то, что было уже о немъ сказано.

Въ газетахъ были отмѣчены труды и заслуги покойнаго, какъ земскаго, общественнаго и политическаго дѣятеля, въ печати и собраніяхъ отстаивавшаго дорогіе ему вопросы церковной жизни, народнаго образованія, земельного положенія крестьянъ. Меньше говорилось о немъ самомъ, о той неумирающей личности, въ свѣтъ которой озаряется совершившійся подвигъ жизни. Многіе ли знаютъ, кого мы потеряли?

Тѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ Ѳедоромъ Дмитриевичемъ на поприщѣ общественной дѣятельности, сторонники и противники его не могутъ не преклониться съ уваженіемъ предъ свѣтлой памятью почившаго дѣятеля, выступления коего всегда согласовались исключительно съ велѣніями его чуткой совѣсти, всегда исходили изъ сознанія долга и глубокаго убѣжденія. Никогда никакое личное мелкое побужденіе не примѣшивалось къ его общественному служенію. Въ немъ чувствовался непоколебимо убѣжденный и вѣрующій человекъ. Какъ вѣрный рабъ Божій, дѣлатель на Божьей нивѣ, онъ никогда не уклонялся отъ исполненія хотя бы тяжелаго общественнаго долга,—онъ смотрѣлъ на него, какъ монахи, отрeksiеся отъ суеты міра, смотрятъ на дѣло послушанія.

Стойкій борецъ за идею, казавшійся иногда прямолинейнымъ ея служителемъ, Ѳедоръ Дмитриевичъ вкладывалъ во все, что дѣлалъ, религиозное отношеніе къ тому, что считалъ долгомъ. Съ нимъ можно было расходиться въ оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ явленій, но нельзя было не преклониться предъ стойкостью его убѣжденій, его готовностью ради нихъ на всѣ жертвы.

Лично глубоко смиренный, мнительно добросовѣстный въ сужденіяхъ о людяхъ, хотя бы они были его политическими противниками, никто, какъ онъ, не могъ разобраться въ сложныхъ вопросахъ совѣсти, дать добрый совѣтъ прося-

¹⁾ „Русское Слово“, 1 дек. 1916 г.

щему. Пламенная вѣра въ Бога и безпредѣльная любовь къ своему народу опредѣляли содержаніе его жизни.

Вѣрный сынъ Церкви, Ѳеодоръ Дмитріевичъ не закрывалъ глазъ на ея недуги. Онъ скорбѣлъ ея болѣзнями, обличалъ, когда считалъ долгомъ, грѣхи ея земной дѣйствительности. Такое же отношеніе его чуткой совѣсти было и къ народу, и къ современной жизни—общественной и государственной. Онъ былъ тѣмъ болѣе строгимъ судьей, чѣмъ глубже прозрѣвалъ любящимъ взглядомъ великіе задатки своего народа.

Русскій человекъ всеѣмъ своимъ существомъ, Ѳеодоръ Дмитріевичъ обладалъ рѣдкимъ по своей основательности образованіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вѣрнымъ продолжателемъ традиціи семьи Самариныхъ, всегда сочетавшей просвѣщеніе съ любовью къ родной старинѣ.

Ранняя утрата зрѣнія заставила Ѳеодора Дмитріевича въ самую зрѣлую пору жизни отойти отъ постоянной дѣятельности, ограничить себя въ любимыхъ занятіяхъ. Онъ принималъ это съ тѣмъ же смиреніемъ, съ какимъ переносилъ все вообще страданія и испытанія, выпадавшія на его долю въ жизни. Какъ-будто, чѣмъ больше опадали для него краски вѣшняго міра, тѣмъ глубже раскрывался передъ нимъ міръ иной, въ который онъ перешелъ, безболѣзненно, непостыдно, мирно...

Вѣчная память праведнику, и да будетъ образъ его завѣтомъ для оставшихся не угашать духа среди житейской суеты.

Кн. Григорій Трубецкой.

III.—Сообщеніе П. Б. Мансурова на засѣданіи Братства Святителей Московскихъ 1-го декабря 1916 года.

Мы собрались сегодня въ сороковой день по кончинѣ нашего дорогого собрата. Наши слова теперь ему, конечно, не надобны, хотя память наша, любовь его братьевъ важна, какъ намъ говоритъ Церковь, для него и по отшествіи его въ иной міръ. Эту память и эту любовь мы только что имѣли возможность выразить тамъ, гдѣ она ему цѣнна и теперь, и такъ, какъ ему это особенно было дорого ¹⁾. Но не лишними,

¹⁾ Рѣчь идетъ о заупокойной литургіи и панихидахъ, отслуженныхъ передъ собраніемъ Братства, въ 40-й день кончины Ѳ. Д. Самарина, въ Чудовомъ монастырѣ.

думаемъ мы, будутъ и наши слова здѣсь о почившемъ, конечно, уже не для него, а для насъ самихъ. Отъ насъ самихъ зависить, насколько мы извлечемъ пользы изъ того духовнаго богатства, которое оставилъ намъ почившій въ памяти объ его нравственномъ образѣ. На нашемъ Братствѣ лежитъ особый долгъ хранить эту память и по мѣрѣ силъ осуществлять въ жизни завѣты, которыя эта память въ себѣ несетъ.

Я не хочу распространяться о томъ, чѣмъ былъ для Братства почившій. Скажу только—одно; когда происходило при открытіи Братства избраніе предсѣдателя Совѣта, изъ среды собранія было сказано, что для учредителей Братства ободреніемъ служила мысль, что они будутъ работать подъ руководствомъ Θεодора Дмитріевича, а то, что давало Братству это руководство, можно почерпнуть несравненно больше, чѣмъ изъ того, что я могъ бы сказать, изъ розданной присутствующимъ на собраніи рѣчи самого Θεодора Дмитріевича о задачахъ Братства ²⁾. Мое краткое слово я хочу сосредоточить, насколько мнѣ то доступно, на личности самого почившаго, конечно съ точки зрѣнія, которая сродна нашему Братству.

Честь нашего Братства носить имя великихъ іерарховъ, предстоятелей Московской церкви. Наша задача служить ей. Сегодня на скромное наше Братство выпадаетъ высокій долгъ почтить память великаго сына родной нашей церкви, ибо конечно, кончина его—событіе въ жизни не одного нашего Братства, а всей Московской церкви.

Обыкновенно со словомъ „великій“ соединяется представленіе о славѣ или власти. То и другое было близко къ почившему, но ни того, ни другого онъ не пожелалъ. Знали о немъ вообще, что онъ совершаетъ въ своей жизни дѣло важное и трудное, но онъ мало давалъ этому дѣлу проявить себя въ доступномъ общему воспріятію видѣ. Мы въ Братствѣ были свидѣтелями тому, какъ онъ своему собственному труду любилъ придавать видъ дѣла, совершаемаго сообща

²⁾ „О задачахъ Братства Святителей Московскихъ Петра, Алексѣя, Юны и Филиппа и о способахъ разрѣшенія этихъ задачъ. (Рѣчь Ѳ. Д. Самарина въ Общемъ Собраніи Братства 27 декабря 1909 г.)“. М., 1916. 23 стр.

³⁾ Ib. [?], стр. 12-13, 13-14.

съ другими, не желая, чтобы приписывали его ему единолично. Всякую отдѣльную сколько-нибудь подходящую чужую мысль, онъ включалъ съ любовью въ свою работу, распространяя и углубляя ея содержаніе,—и при всей стойкости въ своихъ воззрѣніяхъ готовъ былъ дѣлать въ нихъ уступки, если только это было принципиально допустимо.

Слава для такихъ людей соблюдается у Бога!

Онъ не хотѣлъ власти, хотя не разъ и не два она ему предоставлялась, хотя, казалось бы, она давала бы ему возможность осуществить его воззрѣнія по наиболѣе близко затрогивавшимъ его вопросамъ. Но не этого пути онъ искалъ.

Почившій служилъ опредѣленнымъ церковнымъ идеаламъ и желалъ, чтобы они проникали въ церковную жизнь свободно, чтобы они воспринимались сознательно чувствомъ и умомъ церковнаго общества. Средство для этого онъ видѣлъ въ словѣ убѣжденія и въ примѣрѣ дѣла. Онъ мало вѣрилъ въ дѣйственность начальственныхъ циркулярныхъ распоряженій. Мы сами на опытѣ видѣли сколько создавалось иллюзій на ихъ основаніи. Мы знаемъ, что даже непосредственно соприкасающаяся съ жизнью власть епархіальнаго архіерея можетъ вызвать появленіе многочисленныхъ учрежденій, которыя исчезаютъ съ его переходомъ на другую кафедру.

Церковное дѣло мало поддается воздѣйствію однихъ преслѣдующихъ хорошія цѣли внѣшнихъ мѣропріятій, а характеру и воззрѣніямъ почившаго глубоко противна была видимость дѣла вмѣсто самаго дѣла.

Какъ понималъ онъ съ этой точки зрѣнія даже вопросъ о созывѣ и дѣятельности собора—можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ словъ его, сказанныхъ въ рѣчи его, оттиски которой розданы присутствующимъ на собраніи.

„Желая преобразованій въ области церковныхъ учрежденій, всей душой ожидая наступленія того великаго дня, когда Богу угодно будетъ дать возможность живущему въ Церкви Духу торжественно проявить Себя въ соборѣ,—не слѣдуетъ забывать, что для всего этого требуется *предзарительная работа церковнаго сознанія*. Необходимо, чтобы и пастыри, и пасомые прониклись тѣмъ *духомъ соборности*, который долженъ проявиться во всѣхъ начинаніяхъ церковной власти и, въ

особенности, во всемъ, что относится къ созыву и къ дѣятельности собора.

„О необходимости провести въ организациі церковнаго управленія начало соборности много было говорено за послѣдніе годы; но при этомъ часто упускалось изъ виду, что соборность не есть какая-либо *внѣшняя норма* и никакими внѣшними мѣрами не можетъ быть осуществлена. Подъ соборностью у насъ иные склонны понимать нѣчто вродѣ особой *формы правленія*, которая можетъ быть по произволу введена и отмѣнена соотвѣтствующими актами церковной власти. Но такое пониманіе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію этого термина. Имъ характеризуется не *внѣшняя* сторона церковнаго строя, а *внутренняя* связь между всѣми членами церкви, связь, которая можетъ проявляться самыми различными способами, но которая неизбежно налагаетъ свой отпечатокъ на церковную организацию и на образъ дѣйствій, какъ должностныхъ лицъ церковныхъ, такъ и простыхъ членовъ церкви...

„...При такомъ пониманіи соборности, очевидно, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы провести этотъ принципъ въ жизнь одними дѣйствіями церковной *власти*. Требуется нѣкоторая внутренняя перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ между пастырями и пасомыми и во взглядѣ тѣхъ, и другихъ на церковное дѣло. Безъ этого всѣ, самыя необходимыя и цѣлесообразныя преобразованія церковнаго строя, останутся безплодными; безъ этого самый соборъ легко можетъ обратиться въ чисто внѣшнее учрежденіе и его созывъ пройдетъ безслѣдно для нашей церковной жизни“²⁾.

При всемъ томъ отказъ почившаго отъ средствъ для дѣйствія во благо Церкви, которая предоставляетъ свѣтская власть, признають, быть можетъ, хотя бы и благородною ошибкою, но тѣмъ не менѣе ошибкою. Скажутъ, быть можетъ, что если не во внутренней жизни Церкви, то во внѣшнихъ условіяхъ ея существованія въ Россіи свѣтская власть можетъ оказать ей помощь снятіемъ съ нея, все сильнѣе за послѣднія столѣтія опутывающихъ ее, узъ.

Эти пути не помѣшали, однако, разцвѣту въ ней духовной жизни въ XIX столѣтіи. Правда, эта внутренняя жизнь не проявляетъ своего вліянія на общій ходъ русской жизни, которая все болѣе грозитъ утратить свой церковно-право-

славный и даже христіанскій характеръ, но не внѣшнія для Церкви причины главнымъ образомъ тому препятствуютъ. Для такого воздѣйствія Церковь имѣетъ свой призванный на то органъ въ лицѣ ея канонической іерархіи, несущей преимущественно отвѣтственность за жизнь церковнаго общества. Отъ нея надо ждать почина рѣшеній, которыя влекли бы измѣненіе нынѣшнихъ пріемовъ и строя церковнаго управленія. Помимо этого невозможно вложить въ нихъ другой духъ и при перемѣнѣ формы содержаніе останется то же, а подмѣны сущности ея видимостію, какъ я уже сказалъ, не терпѣль духъ почившаго.

Ни славы, ни власти почившій такимъ образомъ не желалъ, но и предметы, на которые было обращено его вниманіе, представлялись большей частію мало видными. Не на поверхность, а на корни жизни, устремленъ былъ по преимуществу его умственный взоръ. Для него не было малаго дѣла. Какъ бы ни было невидно дѣло, онъ съ величайшею добросовѣстностію трудился для достиженія поставленныхъ имъ себѣ скромныхъ на видъ задачъ.

Наше Братство среди другихъ предметовъ его дѣятельности за послѣдніе годы имѣло счастье пользоваться такимъ самоотверженнымъ трудомъ Федора Дмитріевича.

Гдѣ же былъ источникъ этого самоотверженнаго, непоказнаго труда? Указавъ на него, мы найдемъ и отвѣтъ на поставленный нами вопросъ и уяснимъ себѣ значеніе почившаго въ жизни церковнаго общества.

Нелегокъ былъ жизненный крестъ почившаго. Не буду распространяться о горестяхъ, которыя ему пришлось въ исключительной степени претерпѣть въ личной жизни. Отмѣтимъ только болѣе внѣшнія тягости ея. Серьезный недостатокъ зрѣнія не давалъ ему въ значительной мѣрѣ возможности видѣть красоту Божьяго міра. Онъ признавалъ самъ, что лишецъ былъ музыкальнаго слуха. Сурово сложилась его жизнь. Немного радостей дала она ему. Онъ не поникъ, однако, подъ ниспосланными ему испытаніями. Они пошли на обогащеніе его внутренней жизни. Онъ сохранилъ нѣжность сердца, о которой воспоминаніе остается предметомъ умиленія для знавшихъ его. Но не о ней я хочу говорить, для нашей цѣли важно отмѣтить ту нравственную силу, которая двигала его духовнымъ существомъ. Силою этою была его совѣсть.

Почившій былъ человѣкъ великой, ничѣмъ не подкупной совѣсти. И въ этомъ-то смыслѣ его можно назвать великимъ. Намъ не дано проникнуть въ тайники его внутренней жизни, но мы знаемъ, что неустаннымъ бдительнымъ трудомъ надъ собою достигается ясное незатемненное нравственное зрѣніе. Такое внутреннее зрѣніе на благо себѣ и своимъ собратьямъ приобрѣлъ почившій.

Не намъ судить, намъ подготовилъ онъ себя къ тому, чтобы предстать предъ страшнымъ престоломъ Господа Славы, но, несомнѣнно, что вмѣнится ему, какъ вѣрному рабу, то добро, которое принесла его собратьямъ на землѣ его жизнь среди нихъ. Не только близко его знавшіе, но и только слышавшіе о немъ, почерпали нравственный стимулъ отъ сознанія, что есть такая непоколебимая живая совѣсть среди насъ. „тростей, вѣтромъ колеблемыхъ“.

Велико значеніе того, что такая совѣсть была и что о ней знали, что она была, среди нашей родной Московской церкви. Если будетъ писаться правдивая ея исторія, то въ ней съ благодарностію будетъ объ этомъ отмѣчено, а для насъ ободреніемъ служить сознаніе, что не изсякъ въ ней живой родникъ нравственной силы. Мы не знаемъ, что еще ожидаетъ ее вмѣстѣ со всею нашею отечественною церковію: какія, можетъ быть, тяжкія испытанія и соблазны таить для нея будущее. Твердою опорю и яснымъ руководствомъ для насъ было бы его нравственное сужденіе среди нихъ, но уже одна память о немъ будетъ служить для насъ драгоценною поддержкою.

Съ благоговѣйнымъ затаеннымъ умиленіемъ смотрѣли мы за послѣдніе мѣсяцы, какъ зрѣлъ на нивѣ Господней полповѣсный колосъ, какъ все болѣе клонился онъ отъ доброй тяжести своей къ землѣ. Пришло время; Господинъ жатвы призналъ, что приспѣлъ часъ отобрать его въ Свою небесную житницу. Смиренно покоряемся волѣ милосердаго Бога нашего. Будемъ надѣяться, что обильною жатвою взойдутъ среди оставшихся тѣ зерна добра, которыя заронила въ наши сердца память почившаго праведника.

П. Мансуровъ.

IV.—Сообщеніе Священника П. А. Флоренскаго на За- сѣданіи Братства Святителей Московскихъ 1-го декабря 1916 года.

Тихія дружескія бесѣды почившій Теодоръ Дмитріевичъ предпочиталъ болѣе торжественнымъ, а потому и менѣе задушевымъ, общественнымъ обсужденіямъ. Поминая его, мы не должны уклоняться отъ тона бесѣды, хотя насъ и больше, чѣмъ сколько бываетъ въ дружескомъ кружкѣ. Набросать нѣсколько впечатлѣній отъ Теодора Дмитріевича — вотъ и все, на что въ нашемъ собраніи рѣшаюсь я. Да къ тому же, о человѣкѣ, только сегодня переставшемъ быть „новопре- ставленнымъ“, ни умъ, ни языкъ не повернулся бы думать и говорить систематически,—какъ о далекомъ и нуждающемся въ научномъ возстановленіи своего духовнаго облика. Вѣдь, обращаясь къ друзьямъ покойнаго, вѣтъ надобности пояснять, какую неожиданною болью отозвалась его кончина въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его, кто имѣлъ — не скажу ничего не говорящаго слова *счастіе*,—кто имѣлъ великое назиданіе заглянуть въ его внутреннюю жизнь. Газетное извѣстіе о кончинѣ его сперва не—огорчало, а ошеломляло, и только много часовъ спустя, когда ослабѣвалъ толчокъ, скорбь о потерѣ начинала вить въ душѣ. И если что нуждается въ поясненіи, то скорѣе прямо противоположное: отчего возникало это впечатлѣніе неожиданности и боли, какія именно нить порвалась и въ душѣ окружающихъ вмѣстѣ съ нитью жизни Теодора Дмитріевича. И въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь если исключить родныхъ и ближайшихъ друзей покойнаго, то поставленный вопросъ будетъ въ полной силѣ. Больной, полу-слѣпой, преждевременно состарившійся, удрученный скорбями, Теодоръ Дмитріевичъ стоялъ далеко отъ того, что принято называть жизнью. А если присоединить сюда отсутствіе служебныхъ отношеній, замкнутость личную, сдержанность Теодора Дмитріевича въ выраженіи своихъ чувствъ и мыслей и, наконецъ, рѣдкую скромность его, то дѣлается и совсѣмъ малопонятнымъ, что же именно могло такъ тѣсно привязывать къ Теодору Дмитріевичу людей не много съ нимъ соприкасававшихся. Вѣдь и личныя свиданія съ нимъ, и переписка, въ силу сказаннаго только что,—были затруднены и количественно весьма огра-

ничены. А на взглядъ, на взглядъ въ тѣ сравнительно рѣдкія свиданія, которыя бывали съ нимъ, онъ казался холодноватымъ, слишкомъ выдержаннымъ, чтобы могла раскрыться полная довѣрчивость къ нему. И вотъ, все-таки, что-то въ немъ могло, и при далекости и рѣдкости непосредственныхъ отношеній къ нему, создавать крѣпкую связь съ нимъ, хотя она обнаружилась въ своей крѣпости лишь послѣ смерти. Смерть—безпристрастнѣйшій Судія. Какъ часто бываетъ, что почти не замѣчаются кончины, которыя, по всѣмъ даннымъ, должны были бы разбить сердце! Тутъ же—какъ разъ наоборотъ: можно было бы ждать лишь должнаго огорченія, а получилось... какъ будто въ чемъ-то важномъ и жизненномъ постигла собственная смерть.

Говорю я о себѣ и отъ себя; но знаю и то, что мои слова—не меня одного касаются, и знаю, что найдутся другіе, которые подписались бы подъ высказаннымъ здѣсь. Въ отношеніяхъ и къ одному выразился Феодоръ Дмитріевичъ; вотъ почему приходится, преодолевая естественное смущеніе, говорить о себѣ,—чтобы сказать о томъ, ради кого мы собрались сегодня сюда.

Повторяю, первый слой впечатлѣній, при знакомствѣ съ Феодоромъ Дмитріевичемъ, отчуждалъ отъ него. Казалось, что Феодоръ Дмитріевичъ ставитъ грань многому такому, безъ выраженія чего не можетъ быть непосредственности. Этимъ впечатлѣніямъ способствовала и одна особенность его лица, какая-то складка съ лѣвой стороны, придававшая ему не то горькую, не то скептическую усмѣшку. Эта черта была чисто-физической, но она могла отпугивать непривыкшихъ къ ней.

Но за этимъ первымъ слоемъ высвѣчивалъ другой, и онъ заставлялъ иначе отнестись не только къ самому Феодору Дмитріевичу, но и къ тому, что еще такъ недавно въ немъ смущало... Позвольте пояснить свою мысль однимъ примѣромъ.

Современная литература изобилуетъ, какъ извѣстно, *плагиатами*, выдаваніемъ чужаго за свое. Но въ древней письменности было распространено явленіе обратное—*псевдоэпиграфы*, когда свое выдавали за чужое. Мнѣ думается, что если понятія *плагиата* и *псевдоэпиграфа* расширить и разумѣть ихъ не какъ законченныя дѣла, а какъ дѣятельности

и какъ стремленія, то любое литературное произведение можно причислить къ одному изъ этихъ двухъ родовъ: все, что не псевдоэпиграфъ,—то плагиатъ. И, переходя отъ произведеній къ ихъ творцамъ и далѣе къ—людямъ вообще, можно сказать, что въ смыслѣ стремленій есть люди-плагиаты и есть люди-псевдоэпиграфы.

Тамъ, гдѣ средоточіемъ вниманія бываетъ „я“, правда неизбѣжно дѣлается однимъ изъ средствъ къ процвѣтанію „я“, однимъ изъ его украшеній. Важно не то, что нѣчто—истина, а то, что оно—*моя* истина. Если удареніе поставлено на *моя*, то дальше неизбѣжно и стремленіе выдавать всякую истину за свою.

Совсѣмъ наоборотъ бываетъ при сосредоточеніи вниманія на *правду*. Если удареніе поставлено именно на ней, то дѣлается мало интереснымъ, чья это правда; а далѣе, при углубляющемся сознаніи, что правда не можетъ быть чьей-нибудь, а что познается она—сознаніемъ соборнымъ, чувство собственности въ отношеніи къ правдѣ замолкаетъ. Такъ возникаетъ псевдоэпиграфъ, т. е. условное отнесеніе познанія къ любому лицу,—только не къ себѣ; такъ возникаетъ и нравственная спутница псевдоэпиграфа—скромность.]

Извиняюсь за это отступленіе, но иначе мнѣ было бы трудно объяснить свое пониманіе личности Θεодора Дмитріевича. Мнѣ кажется, что онъ относился ко второму разряду людей, именно тѣхъ, для кого дороже всего сама правда; этимъ объясняется его боязнь, можетъ быть преувеличенная боязнь, показать болѣе чувствъ и пониманія, чѣмъ есть ихъ на самомъ дѣлѣ, и тѣмъ болѣе себѣ приписать и себя украсить тѣмъ, ради чего должны жить мы. Всѣмъ вамъ извѣстна его необыкновенная скромность, даже въ сужденіи о тѣхъ вопросахъ, надъ которыми онъ сидѣлъ весьма основательно, литературу которыхъ онъ отлично изучилъ и критически взвѣсилъ. Всѣмъ вамъ извѣстна его исключительная щепетильность и въ научной работѣ, и въ оцѣнкѣ жизненныхъ явленій.

Не менѣе того извѣстна всѣмъ и его правдивость, соперничавшая съ его осторожностью. Мнѣ думается, что всѣ эти качества Θ-ра Дм-ча можно свести къ одному — къ исключительной вообще, а въ наше время — въ особенности, честности мысли. Θεодоръ Дмитріевичъ напоминалъ купца

настолько честнаго, что изъ боязни показать товар лицомъ онъ почти не открывалъ своихъ витринъ, и лишь случайно обнаруживалась его подлинная освѣдомленность во многомъ и его критическая мысль. Я сказала „мысль“. Но правильнѣе было бы расширить мое утвержденіе и включить въ него—и волю и чувство. И воля и чувство его тоже были вывѣрены и взвѣшены.

Вотъ почему осторожность его мысли производила впечатлѣніе не слабости, а сдерживаемой силы; вотъ почему, и въ еще большей степени, въ его холодноватой внѣшности чувствовалась не дряблость внутренней жизни, а напротивъ большой напоръ, однако введенный въ русло сознательнаго обладанія. За малыми внѣшними проявленіями не трудно было замѣтить у него большія, непроявленные имъ, движенія. Это-то и побуждало цѣнить его и располагаться къ нему не по мѣрѣ проявленнаго, а по мѣрѣ того, что въ проявленномъ свѣтилось.

Не могу забыть одного случая, опредѣлившаго когда-то мое внутреннее расположеніе къ нему. На одномъ изъ четверговъ у Михаила Александровича Новоселова, когда часть посѣтителей уже разошлась, разговоръ принялъ особенно живое теченіе. Но шелъ онъ о какихъ-то не то общественныхъ, не то политическихъ вопросахъ, мнѣ былъ скученъ, и я, сидя сбоку отъ Θεодора Дмитріевича, сталъ всматриваться въ его лицо. Занятый разговоромъ, Θεодоръ Дмитріевичъ не замѣчалъ моего вниманія и, такъ сказать, былъ взятъ врасплохъ, въ тѣхъ своихъ думахъ и переживаніяхъ, которыя онъ не считалъ возможнымъ проявлять на лицѣ. Я подсмотрѣлъ Θεодора Дмитріевича.—и не раскаиваюсь въ томъ: кромѣ хорошаго я ничего не увидѣлъ въ немъ. Это была большая и глубокая дума о какихъ-то страданіяхъ и скорбяхъ, какая-то—я бы сказалъ—почти подавленность рокомъ, если бы она не была очищена покорностію Промыслу и не освящена чувствомъ объективной Правды. Острая жалость къ страдавшему и страдающему и благоговѣніе предъ видомъ раба Божія, преданнаго Господину Своему, сдѣлались столь сильными, что я сталъ бояться, какъ бы неумѣстное слово не вырвалось у меня и, кажется, вышелъ въ другую комнату. Дальнѣйшія впечатлѣнія отъ Θεодора Дмитріевича всегда окрашивались описаннымъ выше смѣ-

шаннымъ чувствомъ жалости и благоговѣнія: увидѣнный однажды, духовный обликъ Θεодора Дмитріевича согрѣвалъ его лицо и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ для видѣнія.

Понятно отсюда, какую значительность имѣли для друзей Θεодора Дмитріевича его сужденія, его отзывы о людяхъ и въ частности о нихъ самихъ. Понятно, какъ дорожили они его одобреніемъ и какъ задумывались надъ его — не скажу неодобреніемъ, ибо онъ по скромности таковыхъ почти не высказывалъ,—а его предупрежденіемъ, его вопросамъ, его сомнѣніемъ. Съ его словомъ нельзя было не считаться въ душѣ. А много ли людей каждый изъ насъ можетъ назвать, съ словами которыхъ онъ дѣйствительно считается? И если сужденія Θεодора Дмитріевича были вѣскими во всѣхъ областяхъ, то въ области нравственной и общественной онъ могъ въ особенности быть надежнымъ судіей. Всѣ знавшіе его знали и то, что онъ не слукавитъ и рѣшить дѣло по совѣсти. И на него полагались. Этой увѣренности въ немъ способствовали и внѣшнія условія его жизни.

Огрѣшенный отъ суетливой общественности и потому почти независимый отъ общественныхъ давленій, притязающихъ на нашу свободу; не испытывающій воздѣйствій извнѣ—ни денежныхъ, ни служебныхъ; не связанный литературнымъ или какимъ-либо инымъ профессиональнымъ самолюбіемъ; своими болѣзнями и скорбями очищенный и отъ многихъ пристрастій, опутывающихъ другихъ людей—этотъ полу-слѣпой старикъ казался получившимъ отъ самой судьбы право на нравственный авторитетъ.

Но для насъ этотъ авторитетъ его былъ еще укрѣпленъ и усиленъ историческимъ мѣстомъ Θεодора Дмитріевича—именно мѣстомъ его въ исторіи славянофильства. Когда-то юнѣйшій изъ старыхъ, онъ сталъ потомъ старѣйшимъ изъ молодыхъ. Этимъ опредѣлилось его особое значеніе для насъ. Соборность сознанія, этотъ важнѣйшій членъ славянофильскаго исповѣданія, во времени являетъ себя какъ преемство. И если преемство мысли и культуры вообще есть для славянофильства одинъ изъ основныхъ признаковъ подлинной мысли и подлинной культуры, то преемство самого славянофильства не можетъ не быть въ этомъ пониманіи жизни непремѣннымъ требованіемъ, почти критеріемъ истинности.

Живое преданіе славянофильства являлось намъ въ лицѣ Θεодора Дмитріевича. Изъ его рукъ мы, внуки, получали нить, связующую съ славянофилами-дѣдами, съ славянофильствомъ золотого вѣка.

Не то, чтобы Θεодоръ Дмитріевичъ, сообщилъ намъ какія-то тайны, недоступныя другимъ, не закрѣпленныя въ печати. Не въ нихъ дѣло, а въ чувствѣ увѣренности и надежности, когда собственными глазами осматриваешь то, о чемъ доселѣ зналъ по книгамъ, въ чувствѣ реальности, которымъ сильно всякое живое преданіе,—въ непрерывности преданія. Этимъ-то живымъ преданіемъ славянофильства, соединительнымъ звеномъ, дѣлающимъ преданіе непрерывнымъ, и былъ для насъ Θεодоръ Дмитріевичъ. По своему возрасту, по своимъ бывшимъ отношеніямъ съ людьми, которые давно умерли, наконецъ по идейнымъ традиціямъ своей фамиліи, Θεодоръ Дмитріевичъ владѣлъ именно тѣмъ, чего не хватало намъ—живымъ соприкосновеніемъ съ дорогими для насъ покойниками и ученіями, и изъ него мы могли питаться этими впечатлѣніями.

Въ этомъ смыслѣ, многія изъ сторонъ его личности получали для насъ особое значеніе, ибо дѣлались символическими. Сквозь Θεодора Дмитріевича видѣлось намъ многое изъ прошлаго, даже многіе изъ прошлаго. На первомъ мѣстѣ я поставлю здѣсь черту, можетъ быть и не очень рѣдкую, но въ Θεодорѣ Дмитріевичѣ имѣвшую бѣльшую значительность. Черта эта—дружелюбіе, внимательность къ друзьямъ. Первоначальное славянофильство, опираясь на дружески-родственное ядро, справедливо подчеркнуло значеніе дружества—познавательное и почти догматическое. Въ позднѣйшемъ славянофильствѣ ослабли дружескія узы и порою обращались даже въ непріязнь; понятно, что параллельно этому ослабла и мысль славянофиловъ, подчеркнувшая существенно-важный характеръ дружества. Но Θεодоръ Дмитріевичъ оставался вѣренъ этой первоначальной стихіи славянофильства. Онъ искалъ дружескаго общенія, хотѣлъ дружескаго обсужденія интересовавшихъ его богословскихъ, философскихъ и церковно-общественныхъ вопросовъ, не довѣряясь мысли одинокой и вмѣстѣ не полагаясь на сношеніе печатное, въ которомъ нѣтъ общенія личнаго. Но его интересъ не ограничивался областью умственной. Несмотря на свою замкнутость, онъ

вникалъ въ личныя дѣла своихъ друзей, входя даже въ мелочи, особенно когда кто заболѣвалъ или кого постигали неприятности и несчастія. Вотъ одинъ примѣръ его участливости:

Въ 1913-мъ году Михаилъ Александровичъ Новоселовъ заболѣлъ сердечною болѣзнью. Вотъ что пишетъ ему Теодоръ Дмитриевичъ:

25 февраля 1913 года.

„Дорогой Михаилъ Александровичъ,

стороной дошли до меня вѣсти о Вашемъ нездоровьѣ, а потомъ Владиміръ Александровичъ на мой запросъ сообщилъ телеграммой нѣсколько болѣе обстоятельныя свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоилъ меня тѣмъ, что Вамъ теперь значительно лучше. Я не хотѣлъ было писать Вамъ пока не получу обѣщаннаго въ телеграммѣ Владиміра Александровича письма съ подробностями, но письма пока все еще нѣтъ, а мнѣ хочется сказать Вамъ, что я чрезвычайно встревожился за Васъ и за Капитолину Михайловну и благодарю Бога, что болѣзнь Ваша пошла на выздоровленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако мнѣ хочется убѣдительно просить Васъ не спѣшить считать себя совершенно здоровымъ и сдѣлать все необходимое для полнаго, радикальнаго излѣченія. Не знаю, что Вамъ посоветуютъ врачи, но судя по тому, что мнѣ сообщилъ Владиміръ Александровичъ, я думаю, что Вамъ придется лежать долго совершенно неподвижно. Если это такъ, то умоляю Васъ, не бунтуйте, выдерживайте себя педантично и какъ можно дольше. Только при этомъ условіи болѣзнь Ваша можетъ пройти безслѣдно и Вы въ состояніи будете вести прежній образъ жизни. Это я знаю по бывшимъ у меня на глазахъ примѣрамъ. Но чтобы этого достигнуть надо большое терпѣніе, требуется продолжительное время и необходимо рѣшиться на нѣкоторый срокъ совершенно отказаться отъ всего того, что въ Вашихъ прежнихъ привычкахъ могло быть вреднаго для Вашего здоровья. Такое рѣшеніе теперь Вамъ и предстоитъ принять ради всѣхъ, кто Васъ любитъ и прежде всего ради Капитолины Михайловны. Я понимаю, какъ все это Вамъ тяжело, но въдъ этотъ отказъ отъ Вашихъ привычекъ къ неугомонной суетливой дѣятельности требуется *лишь на время*, хотя бы и

продолжительное, а потомъ Вы опять, Богъ дастъ, начнете бѣгать по лѣстницамъ, вести разговоры по телефону и всячески хлопотать. Смотрите на это, какъ на временное испытаніе, какъ на своего рода подвигъ или постъ. Кстати и время теперь подходящее настало. Я писалъ уже подробно Владиміру Александровичу обо всемъ этомъ и изложилъ ему тѣ мѣры, которыя по моему необходимо принять, чтобы облегчить Вамъ переходъ къ новому образу жизни. Можетъ быть я ошибаюсь, не имѣя достаточно подробныхъ свѣдѣній о состояніи Вашего здоровья, но мнѣ кажется, что надо дѣйствовать рѣшительно и круто. Всякія полу-мѣры бесполезны и даже могутъ быть вредны. Отъ дѣятельности, которая Васъ такъ поглощала и въ концѣ концовъ Васъ изводила, Вамъ слѣдуетъ перейти къ занятіямъ кабинетнымъ и взять себѣ девизомъ: умѣренность и аккуратность. Знаю, что это легче проповѣдовать, чѣмъ исполнять, но кто погрѣшилъ противъ этого правила, тотъ тѣмъ болѣе обязанъ предостерегать другихъ отъ его нарушенія. Его собственный горькій опытъ долженъ придать его совѣтамъ необходимый вѣсъ. Итакъ прощайте, выздоравливайте, но не спѣшите Бога ради пользоваться Вашимъ здоровьемъ, Дружески обнимаю Васъ и шлю сердечный привѣтъ Капитолинѣ Михайловнѣ. Да хранить Васъ Господь.

Душевно Вагъ

Федоръ Самаринъ“.

„Впослѣдствіи,—разсказывалъ М. А. Новоселовъ,—я продолжалъ болѣть тѣмъ же—расширеніемъ и слабостью сердца. Федоръ Дмитріевичъ уѣхалъ въ это время за-границу, сопровождая больного. Но, самъ больной, при тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ, онъ опять заботливо вспоминаетъ обо мнѣ и, желая предостеречь меня отъ поспѣшнаго и неосторожнаго шага, котораго онъ, кстати сказать, напрасно, но дружески, опасался, пишетъ письмо пользовавшему меня врачу, нашему общему знакомому. Въ письмо къ этому послѣднему онъ влагаетъ другое письмо, ко мнѣ, но проситъ при этомъ передать предназначенное мнѣ письмо, сообразуясь съ состояніемъ моего здоровья: Федоръ Дмитріевичъ тревожился, какъ бы его письмо не взволновало меня и не

повредило мнѣ въ моей болѣзни. Предназначавшееся для меня было мнѣ передано и явилось для меня новымъ доказательствомъ теплой дружбы ко мнѣ Θεодора Дмитріевича и его заботливой любви. Боясь встревожить меня, необыкновенно мягко и деликатно подходитъ онъ къ вопросу, тогда меня очень волновавшему. И такую заботливость и вниманіе, повторяю, онъ проявляетъ, находясь въ чужихъ краяхъ, самъ среди недуговъ и личныхъ скорбей.

„Не могу также забыть, какъ онъ дружески-заботливо стороной разспрашивалъ о состояніи моего здоровья, чтобы не беспокоить меня ни телефонными звонками, ни даже личнымъ посѣщеніемъ.

„Вспоминается мнѣ также, какъ неоднократно онъ черезъ меня съ такою же заботливостію узнавалъ о состояніи здоровья нашихъ общихъ друзей, если кто-либо изъ нихъ или въ ихъ семьѣ былъ боленъ. Шадя свойственную Θεодору Дмитріевичу скромность, хотя его уже и нѣтъ въ живыхъ, я не буду говорить о конкретныхъ случаяхъ, свидѣтельствующихъ о той же его чертѣ откликаться на скорби ближнихъ“.—Я привелъ здѣсь лишь одно свидѣтельство; но число таковыхъ легко можно было бы умножить.

Дружелюбіе Θεодора Дмитріевича дѣлало бесѣду съ нимъ удобной и плодотворной. Несмотря на разницу лѣтъ, онъ допускалъ споръ съ собою, и хотя во всякомъ спорѣ, особенно при молодости лѣтъ, можетъ быть сказано много лишняго, тономъ недостаточно сдержаннымъ, Θεодоръ Дмитріевичъ никогда не обижался на запальчивость собесѣдника и, своими тонкими и остро-поставленными сужденіями, приводилъ споръ если не къ соглашенію, то по крайней мѣрѣ къ полной ясности, въ чѣмъ собственно корни расхожденій. Если умѣстно здѣсь высказываться корыстно, принимая во вниманіе наши интересы, то нельзя не отмѣтить незамѣтности Θεодора Дмитріевича въ нашихъ бесѣдахъ. А въ особенности, какъ онъ нуженъ былъ бы теперь и въ будущемъ, когда все настойчивѣе требуютъ разрѣшенія многочисленныя богословскіе, философскіе и общественныя вопросы...

Когда-нибудь въ дальнѣйшемъ, если Богу будетъ угодно, я надѣюсь изложить и содержаніе нашихъ бесѣдъ съ Θεодоромъ Дмитріевичемъ; въ ближайшемъ же будущемъ думаю напечатать нѣсколько писемъ его, чтобы показать его

отзывчивость на возникающіе вопросы церковной жизни и церковнаго разумѣнія жизни. Но сейчасъ я не смѣю утрудить Вашего вниманія чтеніемъ ихъ. Позвольте мнѣ закончить свой бѣглый набросокъ одною мыслью, относящеюся ко всѣмъ намъ.

Въ настоящее время много говорится объ участіи мірянъ въ дѣлѣ церковнаго строительства; и, кажется, мало проку выходитъ изъ этихъ обновленческихъ разговоровъ. Но если бы многіе міряне имѣли хоть небольшую долю той преданности св. Церкви, которою жилъ покойный Феодоръ Дмитріевичъ; если бы они хотя бы съ частью его освѣдомленности, его безкорыстія и его смиренія подходили къ участію въ церковной жизни, то, мнѣ думается, самый разговоръ о допустимости ихъ участія не поднимался бы, ибо такіе міряне вошли бы дѣятелями въ церковную жизнь какъ сыны Церкви, а не какъ противники, ищущіе себѣ урвать отъ церковнаго достоянія.

Да будетъ же чистый образъ незабвеннаго Феодора Дмитріевича напоминаніемъ намъ, оставшимся въ живыхъ, о необходимости единодушной, дружелюбіемъ объединенной работы надъ уясненіемъ себѣ церковнаго пониманія жизни и міра. Пусть память о немъ побудитъ насъ съ большею твердостью выходить временами изъ дѣлъ суеты и не откладывать дружескаго общенія въ церковной мысли и церковной дѣятельности всегда на завтра, чтобы не вышло, какъ въ грустномъ предчувствіи писалъ мнѣ какъ-то Феодоръ Дмитріевичъ,—чтобы не вышло по латинской пословицѣ: *cras, cras, cras et semper cras, et sic consumitur aetas.*

Священникъ Павелъ Флоренскій.

V.—Сообщеніе М. А. Новоселова на Засѣданіи Братства Святителей Московскихъ 1-го декабря 1916 года.

Ваше Преосвященство и все досточтимое собраніе!

Во избѣжаніе недоумѣвій, которыя естественно могутъ возникнуть при слушаніи моего доклада, я считаю необходимымъ тутъ же оговориться и предупредить Васъ, что въ предстоящемъ чтеніи Вы почти не услышите моихъ собственно словъ. Къ тому; что сказано мною въ докладѣ о Павла

Флоренскаго, я сейчасъ почти ничего не прибавлю отъ себя, но немногое, сказанное тамъ, я постараюсь подтвердить, расширить и углубить задушевными признаніями нѣсколькихъ лицъ, близкихъ мнѣ и покойному О. Д—чу. Они гораздо живѣе и ярче, чѣмъ могъ бы сдѣлать это я, вскрываютъ сокровищницу души отошедшаго въ другой міръ дорогого намъ человѣка. Само собою разумѣется, что сердце мое всецѣло въ этихъ трогательныхъ и правдивыхъ признаніяхъ, которыя Вы сейчасъ услышите.

I.

„Дорогой Михаилъ Александровичъ!

Москва наша потеряла сразу двухъ Самариныхъ,—такъ начинается письмо ко мнѣ молодой профессоръ Моск. Духов. Академіи Федоръ Конст. Андреевъ, котораго я въ свое время извѣстилъ о кончинѣ О. Д—ча.—Разумѣю, конечно, Москву не въ политическомъ смыслѣ, ибо, съ точки зрѣнія государственной, Федора Дмитріевича потеряла вся Россія, а Петра Дмитріевича, напротивъ, эта Россія вовсе и не знала,—но, я говорю о Москвѣ въ смыслѣ православно-славянофильскомъ или церковно-общественномъ. О чувствительности для нея этой потери она уже и сказала и еще скажетъ свое слово.

Но, въ маленькомъ церковномъ кружкѣ „ищущихъ христіанскаго просвѣщенія“ эта утрата чувствительнѣе еще тѣмъ, что члены его близко знали почившихъ братьевъ Самариныхъ лично—Федора Дмитріевича—всѣ, Петра Дмитріевича—многіе; и потому, поминая ихъ нынѣ добрымъ словомъ за ту лепту, которую они внесли въ общецерковное дѣло, члены кружка помянутъ ихъ еще и за тѣ рѣдкія ихъ душевныя качества, которыя, какъ глубоко-личныя, могутъ и не быть извѣстны людямъ даже однихъ съ ними православныхъ убѣжденій, но при жизни ихъ не знавшимъ или знавшимъ мало.

Вѣроятно, члены кружка, собираясь теперь вмѣстѣ, припоминаютъ эти черты ихъ характеровъ, не оставившія осязательныхъ слѣдовъ на той сторонѣ церковнаго дѣла, которая подлежитъ и чисто внѣшнему учету, но за то сохранившіяся прочно въ памяти сердечной.

Даже, навѣрное, въ эти первые дни по кончинѣ ихъ, эта „память сердца“ говоритъ въ знавшихъ ихъ сильнѣе „памяти разсудка“, хотя бы и отнюдь не „печальной“, а напротивъ, свѣтлой и признательной почившимъ за ихъ православное дѣло.

Къ этимъ непосредственнымъ первымъ воспоминаніямъ мнѣ бы хотѣлось присоединить и свой краткій разсказъ о почившихъ, о тѣхъ немногихъ, но памятныхъ, встрѣчахъ и беседахъ съ ними, когда я имѣлъ возможность узнать нѣкоторыя стороны ихъ характеровъ и слѣдить за ихъ дѣятельностью, конечно хорошо извѣстной и многимъ другимъ, но многимъ же, и вѣроятно большинству даже искреннихъ ихъ почитателей, неизвѣстной вовсе. Я спѣшу это сдѣлать теперь, когда друзья почившихъ сходятся надъ ихъ свѣжими могилами, справляя надъ ними таинственное сорокадневное поминовеніе, когда всякое воспоминаніе еще какъ бы бѣжитъ по слѣдамъ отошедшихъ, не подгоняемое къ опредѣленнымъ юбилейнымъ срокамъ. Но, будучи свѣжими по времени, краткія воспоминанія мои далеко не будутъ яркими, и „память сердца“ у меня будетъ больше похоже на простую память событія.

Сейчасъ образы почившихъ заслонены для меня другимъ, болѣе близкимъ образомъ: краткій промежутокъ времени между смертью братьевъ Самариныхъ былъ временемъ постепеннаго угасанія жизни моего отца, и лишь нѣсколько часовъ отдѣляютъ его кончину отъ часа смерти Федора Дмитриевича... Вся моя память сердечная здѣсь, и оторвать ее отъ этихъ кровныхъ воспоминаній, чтобы со всею ясностью возстановить тѣ глубокія и искреннія чувства, какія я испытывалъ при общеніи съ почившими Самариными,—я сейчасъ не въ силахъ. Но, я, еще при жизни ихъ, оцѣнилъ все значеніе ихъ по истинѣ отеческаго руководства въ моей научной дѣятельности, о которомъ я и хочу сейчасъ сказать нѣсколько словъ, и потому я знаю съ полной достовѣрностью, что когда уляжется мое ближнее горе, горечь этой единовременной утраты скажется гораздо сильнѣе. И сильнѣе и ярче всплывутъ въ памяти тѣ чувства уваженія, благодарности, любви, которыя я испытывалъ передъ почившими. Простая память факта, которую я хочу теперь повѣдать друзьямъ почившихъ, одѣнется въ живую плоть нѣкогда

живыхъ, теперь временно заглушенныхъ бѣльшимъ горемъ сердечныхъ переживаній. Я буду счастливъ, если мнѣ удастся въ послѣдствіи выявить и эти чувства и повѣдать ихъ кружку друзей и близкихъ почившихъ дѣятелей, какъ теперь—эти отрывочныя и какъ бы внѣшнія воспоминанія.

Когда въ моей памяти встаетъ образъ почившаго Федора Дмитриевича, я чувствую ясно, что несмотря на кратковременное и отдаленное мое знакомство съ нимъ, я вижу передъ собою не случайную фотографію, запечатлѣвшую тотъ или иной моментъ встрѣчи, но живую конкретную личность. И это зависитъ не отъ того, что по роду своихъ занятій, я встрѣчался съ покойнымъ Федоромъ Дмитриевичемъ не на поприщѣ служебномъ, а въ обстановкѣ неофициальной—вѣдь и неофициальныя встрѣчи могутъ давать впечатлѣніе безцвѣтной фотографіи, если онѣ чисто-внѣшни—но, причина этой живости впечатлѣнія лежала въ самомъ Федорѣ Дмитриевичѣ, въ богатствѣ его личности. Я бы могъ сказать, что я встрѣчалъ не одно, а нѣсколько лицъ, носившихъ одно имя Ф. Д. Самарина, настолько разнообразны были впечатлѣнія, полученныя мною отъ этихъ встрѣчъ; но, какъ тогда, такъ и теперь, за всѣми этими разнообразными отбѣнками характера и связанныхъ съ ними видовъ дѣятельности, ясно выступало одно и то же живое внутренне-единое лицо.

Государственный мужъ, избранникъ Москвы, защитникъ православно-русскихъ убѣжденій—такимъ представлялся мнѣ покойный Федоръ Дмитриевичъ отсюда, изъ Петрограда, въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за годами смуты. Въ Москвѣ, въ Кружкѣ ищущихъ христіанскаго просвѣщенія, я слышалъ его голосъ, возвышаемый на защиту уже тѣхъ или иныхъ отвлеченно-богословскихъ утверждений. И хотя, съ присущей ему скромностью, покойный Федоръ Дмитриевичъ всегда подчеркивалъ свой диллетантизмъ въ чисто-богословской области, однако мнѣ вскорѣ пришлось убѣдиться въ противномъ, и открытіе это было такъ неожиданно и живо, что образъ государственнаго мужа для меня былъ заслоненъ образомъ ученаго богослова.

Однажды, въ томъ кружкѣ мнѣ пришлось прочесть рефератъ покойнаго о монтанистахъ, такъ какъ самъ онъ, по болѣзни горла, не могъ читать. Помню, какъ сейчасъ, что, не-

смотря на то, что и самъ рефератъ былъ изложенъ съ тою скромностью, которая отличала устныхъ богословскихъ выступленій покойнаго, я сразу почувствовалъ, что за этой видимой эскизностью изложенія кроется большая начитанность и продуманность по одному изъ труднѣйшихъ вопросовъ церковной исторіи. Конечно, въ возникшихъ тогда по поводу прочитаннаго разговорахъ, покойный Ѳеодоръ Дмитріевичъ успѣшилъ занять обычную свою ученическую позицію, предоставивъ поле битвы богословамъ, однако, уже самая живость возгорѣвшихся споровъ показала, что оппоненты-богословы поняли, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Вскорѣ другой случай уже окончательно убѣдилъ меня, что диллетантизмъ Ѳеодора Дмитріевича въ вопросахъ богословскихъ былъ мнимый. Зимой 1908—1909 года на квартирѣ М. А. Новоселова возникъ, какъ филиальное отдѣленіе отдѣленіе Кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія, небольшой студенческой кружокъ, посвятившій себя изученію текста книгъ Св. Писанія Новаго Завѣта. Михаилъ А—чъ общалъ намъ, членамъ его, найти опытнаго руководителя по этимъ вопросамъ, и каково же было мое удивленіе, когда этимъ руководителемъ согласился быть покойный Ѳеодоръ Дмитріевичъ. Помню живо, что меня удивило не столько то, что обремененный государственными дѣлами общественный дѣятель согласился удѣлить часть своего времени на чтеніе богословскихъ лекцій маленькому кружку студентовъ—всегдашняя и всѣми видимая скромность Ѳеодора Дмитріевича дѣлала этотъ пунктъ легко объяснимымъ—но, меня поразило то, какимъ образомъ отказывавшій себѣ въ званіи богослова въ большомъ кружкѣ, въ кружкѣ маленькомъ соглашается быть руководителемъ при научномъ изученіи самыхъ источниковъ богословія. И если „монтанисты“, при натяжкѣ, могли быть объяснены изъ широкой исторической освѣдомленности Ѳеодора Дмитріевича, то здѣсь рѣчь шла уже о специально-богословской сферѣ.

Лекціи Ѳеодора Дмитріевича скоро объяснили мнѣ эту тайну.

Въ большомъ кружкѣ, главное вниманіе сосредоточивалось на идеологіи христіанства, и вотъ въ ней-то покойный Ѳеодоръ Дмитріевичъ признавалъ себя диллетантомъ, и потому, самъ знакомя порою слушателей съ такими обще-идео-

логическими выводами изъ своихъ подспудныхъ научныхъ изысканій, онъ даже при своемъ огромномъ научномъ аппаратѣ не ручался за правильность этихъ обобщающихъ схемъ.

Но, теперь онъ ввелъ насъ, слушателей-студентовъ, въ самую лабораторію своей мысли и, по прежнему скромный тамъ, гдѣ рѣчь заходила о предметахъ духовно-тонкихъ (помню, на примѣръ, рядъ бесѣдъ о духовномъ дарѣ языкоговоренія), онъ во всемъ, что касалось самаго текста новозавѣтныхъ книгъ, обнаружилъ огромную освѣдомленность. Вооруженный однимъ лишь подлиннымъ текстомъ Новаго Завѣта, въ одномъ изъ лучшихъ заграничныхъ изданій, онъ свободно ориентировался въ словарь и грамматику новозавѣтнаго языка, отмѣчая часто неуловимыя въ переводѣ тонкости апостольской рѣчи. Это была типичная научно-богословская работа, и она была произведена съ тѣмъ совершенствомъ, которое можетъ служить идеаломъ для преподавателей Священнаго Писанія въ Духовныхъ Академіяхъ. Но, Федоръ Дмитріевичъ шелъ и нѣсколько дальше текста. Избравъ предметомъ своего преподаванія книгу Апостольскихъ Дѣяній, онъ подробно рассматривалъ и логическую структуру апостольскихъ рѣчей и ближайшій учительный смыслъ священнаго повѣствованія, при чемъ для справокъ ему служили имъ же заготовленныя толстыя тетради, заключавшія въ себѣ его рукописный комментарий къ новозавѣтнымъ книгамъ.

Къ сожалѣнію, эти занятія были непродолжительными, такъ какъ уже въ концѣ зимы слушатели должны были отдаться своимъ собственнымъ научнымъ занятіямъ и подготовкѣ къ экзаменамъ. Лекціи Федора Дмитріевича кончились, но величавый образъ ученаго богослова, не по профессіи, а по призванію, съ большимъ педагогическимъ тактомъ и любовью руководившаго кружкомъ молодыхъ людей, ищущихъ духовнаго просвѣщенія, остался въ моей благодарной памяти, первымъ непосредственнымъ и живымъ впечатлѣніемъ отъ первыхъ лѣтъ моего знакомства съ почившимъ. И, думается, въ такомъ воспріятіи я былъ не одинокъ. Помню, однажды я случайно встрѣтился съ покойнымъ Федоромъ Дмитріевичемъ въ одномъ общественномъ учрежденіи Петрограда. Вспомнивъ свои лекціи и какъ бы продолжая ихъ, онъ разговорился со мною о новѣйшихъ

комментаторахъ библейскаго текста. Когда онъ ушелъ, нѣкоторые изъ случайныхъ, но вполне просвѣщенныхъ слушателей, спросили меня, какъ фамилія этого профессора богословія, и были не мало удивлены, узнавъ, что передъ ними не богословъ, а членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ Москвы.

Послѣ того я много разъ встрѣчалъ покойнаго Федора Дмитріевича, и уже не удивлялся, когда въ сокровищницѣ его богословскихъ знаній находилъ многое полезное и для своихъ собственныхъ богословскихъ занятій. Въ этомъ отношеніи я видѣлъ отъ него много добраго вниманія, и часы, которые мнѣ удалось провести въ бесѣдахъ съ покойнымъ, особенно во время его тяжелой глазной болѣзни или въ Пособіи, гдѣ я былъ однажды счастливъ принимать его у себя, навсегда сохранятся въ благодарной памяти моей свѣтлыми воспоминаніями. Когда же Московская Духовная Академія избрала Федора Дмитріевича своимъ почетнымъ членомъ, я имѣлъ возможность въ оффиціалномъ академическомъ органѣ печатно засвидѣтельствовать изумительную для свѣтскаго человѣка освѣдомленность Федора Дмитріевича въ наукахъ богословскихъ¹⁾.

Но, Богу угодно было, чтобы мое знакомство съ Федоромъ Дмитріевичемъ не ограничилось этимъ руководствомъ и этими бесѣдами, и одностороннее все же въ отношеніи къ Федору Дмитріевичу воспріятіе мною образа его, то какъ образа общественнаго дѣятеля, то какъ ученаго богослова, вскорѣ дополнилось новыми, существенными чертами.

Случилось это въ самый разгаръ послѣдней борьбы тогда еще объединенныхъ балканскихъ славянъ съ турками, когда вновь и съ новой силой ожили славянофильскія мечты, и надежды старыхъ бойцовъ славянофильства казались близкими къ осуществленію. Тогда именно вышелъ первый томъ писемъ роднаго дяди покойнаго Федора Дмитріевича—Юрія Федоровича Самарина—одного изъ этихъ бойцовъ, всего менѣе изученнаго, но въ жизни своей, въ ея какъ бы чер-

1) Въ замѣткахъ объ избраніи почетныхъ членовъ М. Д. А. („Бог. В.“, 1912, Т. 3, Декабрь стр. 863-871) отдѣлъ о Ф. Д. Самаринѣ написанъ Ф. К. Андреевымъ, о М. А. Новоселовѣ и о Вл. А. Кожевниковѣ—свещ. П. Флоренскимъ, а остальное—совмѣстно обоими.

новой работѣ, сдѣлавшаго для славянофильскаго дѣла больше многихъ учителей и сверстниковъ своихъ въ славянофильскомъ родѣ своемъ.

Письма эти открывали цѣлый міръ души, богатой не только отвлеченно-славянофильскимъ содержаніемъ, но и собственной личной глубиной; и потому, когда покойный профессоръ Алексѣй Ивановичъ Введенскій предложилъ мнѣ посвятить время, удѣляемое для курсовой работы,—изученію личности и дѣлъ великаго славянофила, я съ радостью принялъ это предложеніе и тогда же рѣшилъ посвятить всѣ силы составленію возможно болѣе полной и вѣрной монографіи о Юріи Самаринѣ. Однако, уже въ самомъ началѣ работы, когда мнѣ удалось собрать достаточно печатныхъ свидѣтельствъ о немъ, мнѣ стало ясно, что для полного возсозданія его образа, мнѣ еще многого не достаетъ. Прежде всего, опубликованныя письма охватывали лишь одинъ періодъ жизни Юрія Самарина, оставляя въ тѣни цѣлую четверть вѣка его послѣдующей жизни, но, главное, они начинались съ того времени, когда Юрій Федоровичъ уже окончилъ университетъ, между тѣмъ какъ весь предыдущій періодъ его жизни могъ быть возстановленъ лишь по его краткой біографіи, приложенной къ одному изъ томовъ его сочиненій. Получался такимъ образомъ разрывъ въ повѣствованіи, благодаря неравномѣрному распредѣленію историческихъ показаній.

Тогда-то я и помянулъ, какъ поминаю теперь, какъ охотно шелъ покойный Федоръ Дмитріевичъ навстрѣчу моимъ научнымъ начинаніямъ; и, хотя на этотъ разъ вопросъ касался уже не богословія, а затрогивалъ тему, близкую сердцу Федора Дмитріевича, какъ старшаго въ родѣ Самариныхъ, лучше всѣхъ помниваго своего покойнаго дядю, я однако рѣшился обратиться къ нему за совѣтомъ и помощью.

Я понималъ, что прежнее мое знакомство съ Федоромъ Дмитріевичемъ не уполномочивало меня рассчитывать на это новое руководство съ его стороны, но то богатство его индивидуальности, которое мнѣ уже отчасти раскрылось, утвердило меня въ вѣрѣ въ то, что и въ неопознанной еще мною сторонѣ его характера несомнѣнно найдется нужный, существенный отвѣтъ на мой новый, неожиданный и, быть можетъ, несовсѣмъ умѣстный вопросъ. И я не обманулся.

Федоръ Дмитріевичъ поступилъ, какъ мудрый руководитель. Испытавъ меня сперва, со всею строгостью, въ знаніи уже опубликованныхъ матеріаловъ, касающихся Юрія Федоровича, и убѣдившись, что къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, меня влекло не простое любопытство, но что я дѣйствительно дошелъ въ своихъ изысканіяхъ до тупика и не въ состояніи двинуться дальше, въ то время какъ печатныя осылки на неопубликованные еще рукописные источники о Юріи Самаринѣ не давали мнѣ покоя,—Федоръ Дмитріевичъ пришелъ ко мнѣ на помощь сразу, всецѣло, какъ это было свойственно его характеру, и одновременно раскрылъ передо мною два архива—рукописный—своего дяди и неписанный архивъ своихъ собственныхъ сердечныхъ воспоминаній о дѣлахъ и личности своего великаго предка.

Тогда же мнѣ впервые довелось познакомиться съ покойнымъ братомъ Федора Дмитріевича—Петромъ Дмитріевичемъ, такъ какъ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ по изданію сочиненій Юрія Самарина и хранителемъ его рукописей; и съ тѣхъ поръ, въ воспоминаніяхъ моихъ, образъ Федора Дмитріевича неразрывно связанъ съ его образомъ.

Продолжая мудрый пріемъ своего брата, Петръ Дмитріевичъ сперва предоставлялъ мнѣ въ пользованіе лишь тѣ рукописные источники, о существованіи которыхъ я зналъ по примѣчаніямъ къ письмамъ и сочиненіямъ Юрія Самарина. Но, когда въ незабвенные вечерніе часы, послѣ дневной работы падъ изученіемъ этихъ рукописей, я получалъ изрѣдка возможность сообщать результаты моихъ изысканій моимъ руководителямъ, и когда они видѣли, что запасъ моихъ знаній о Юріи Самаринѣ вырастаетъ въ біографическую схему, которая вполнѣ совпадала съ истиной, благодаря ихъ же непосредственному руководству, Петръ Дмитріевичъ постепенно знакомилъ меня съ новыми, уже совершенно невѣдомыми мнѣ прежде источниками о Юріи Самаринѣ. Я думаю, немного было наслѣдниковъ у почившихъ писателей и дѣятелей, которые бы съ такою любовью относились къ памяти своихъ великихъ предковъ, какъ Петръ Дмитріевичъ и Федоръ Дмитріевичъ Самарины къ памяти своего дяди. Вещественнымъ свидѣтельствомъ такого отношенія является—прежде всего собраніе сочиненій Юрія Самарина, безукоризненное во всѣхъ отношеніяхъ, при чемъ

даже самая медлительность въ его изданіи обусловлена исключительно тщательностью подготовительной работы издателей, внимательному собиранію нужныхъ справокъ и поясненій и самыхъ статей, часто разсѣянныхъ по трудно доступнымъ заграничнымъ журналамъ и газетамъ (двѣ изъ нихъ покойный Федоръ Дмитріевичъ, кажется, такъ и не успѣлъ разыскать, несмотря на всѣ старанія, и этимъ былъ обусловленъ выходъ 12-го тома сочиненій Юрія Самарина прежде 11-го, куда онѣ должны были войти). Но, помимо такихъ вещественныхъ доказательствъ любви почившихъ къ памяти своего предка, моя память сохранила инья, невестественныя, подтвержденія этой любви, и я бы хотѣлъ засвидѣтельствовать передъ читателями сочиненій Юрія Самарина, непосвященными въ тайну ихъ издательства, что невозможно болѣе бережно, съ большею любовью издавать рукописное наслѣдіе автора, чѣмъ это сдѣлано наслѣдниками и по крови и по духу покойнаго славянофила. Но, если Федоръ Дмитріевичъ зналъ каждую мелочь въ біографіи своего дяди и едвали не каждую страницу его твореній, и его мечтою, которую онъ не разъ высказывалъ мнѣ, было составленіе подробнаго, ко всѣмъ томамъ сочиненій Юрія Самарина указателя предметовъ, именъ и темъ (*index rerum, nominum et verborum*), то покойный Петръ Дмитріевичъ вѣроятно съ радостью, если бы не считалъ этого нескромнымъ, воспроизвелъ бы рукописи покойнаго дяди фототипически, приложивъ къ нимъ всѣ его портреты, ибо онъ любилъ покойнаго Юрія Федоровича, какъ живого. Въ своемъ письмѣ къ покойному Федору Дмитріевичу по поводу кончины его брата—письмѣ оставшемся незаконченнымъ за смертью адресата—я вспоминаю, какъ покойный Петръ Дмитріевичъ, вручая мнѣ какую-нибудь новую рукопись дяди, обычно прочитывалъ изъ нея вслухъ свои любимыя мѣста; при чемъ голосъ его всегда дрожалъ; когда же онъ читалъ особенно любимое имъ письмо Юрія Федоровича по случаю кончины Хомякова, письмо само по себѣ полное невыразимой скорби,—его глаза наполнялись слезами, и онъ едва дочитывалъ его.

Эта разница въ отношеніяхъ Федора Дмитріевича и Петра Д—ча къ ихъ покойному дядѣ, вытекавшая изъ разницы ихъ характеровъ, сказала въ отношеніи ихъ къ моей работѣ. Въ своемъ увлеченіи личностью Юрія Федоровича я нѣ-

сколько переопцѣнили тѣ свидѣтельства его писемъ и дневника, гдѣ онъ жалуется на суровый методъ воспитанія, примененный къ нему его отцомъ. Не свѣривъ, въ достаточной степени, его показанія съ другими его же свидѣтельствами, въ которыхъ онъ указывалъ и на выгодную сторону своего воспитанія, я, изъ сочувствія къ нему, невольно сгустилъ краски тамъ, гдѣ рѣчь шла объ этомъ методѣ.

И вотъ, въ то время какъ покойный Петръ Дмитриевичъ сразу понялъ возможность такого увлеченія съ моей стороны, болѣе объективный Федоръ Дмитриевичъ указалъ мнѣ въ письмѣ на мою ошибку, въ которой я, по долгому размышленіи, сознался. Но, конечно, этотъ примѣръ не свидѣтельствуешь о томъ, что Федоръ Дмитриевичъ меньше любилъ своего покойнаго дядю: онъ, напротивъ этимъ только ревновалъ славѣ его, не желая, чтобы случайное и временное въ его свидѣтельствахъ расцѣпывалось какъ постоянное и характерное для него. „Если въ юные годы, писалъ ко мнѣ Федоръ Дмитриевичъ, онъ (Юрій Самаринъ) неоднократно указывалъ на нѣкоторыя отрицательныя стороны полученнаго имъ воспитанія, то послѣдствіи взгляда его въ этомъ отношеніи измѣнились“ ..

Въ виду этого покойный Федоръ Дмитриевичъ, ревнуя объ объективно-правильномъ воспріятіи Юрія Самарина, тѣмъ не менѣе не рѣшился перепечатать въ своемъ изданіи нѣкоторыя даже изъ опубликованныхъ уже писемъ Юрія Самарина, выражавшихъ такія случайныя его настроенія. „Юрію Ф—чу, писалъ онъ мнѣ, было бы въ высшей степени тяжело, если бы онъ могъ знать, что письмо, имѣвшее характеръ исповѣди, вылившейся изъ души его подъ вліяніемъ того, что онъ переживалъ въ молодые годы, вошло въ составъ его сочиненій и вмѣстѣ съ ними распространяется въ публикѣ. Съ этимъ соображеніемъ не могли не считаться близкіе къ нему люди, для которыхъ личность его является не просто предметомъ научной любознательности“. Федоръ Дмитриевичъ не договариваетъ, предметомъ чего же являлась для него эта личность. Но, отвѣтъ ясенъ: и для него, какъ и для брата его Петра Дмитриевича, Юрій Федоровичъ былъ прежде всего предметомъ горячей родственной любви. И потому, если я, не зная, что Федоръ Дмитриевичъ самъ готовъ послѣдовать за своимъ братомъ, писалъ ему о Петрѣ

Д—чѣ: „Дай Богъ почившему радостной встрѣчи въ Царствѣ Небесномъ съ Юріемъ Ѳедоровичемъ, котораго онъ такъ любилъ!“ то теперь я такое же пожеланіе могу высказать и о Ѳедорѣ Дмитріевичѣ. Дай Богъ, чтобы и онъ увидѣлъ въ Царствѣ Небесномъ своего родного по крови и такого же, какъ онъ самъ, искренняго, вѣрнаго, неустаннаго работника на нивѣ Господней!

Вотъ что мнѣ хотѣлось бы сказать надъ свѣжими могилами почившихъ, въ кружкѣ, собравшемся въ память ихъ, если бы я самъ могъ въ немъ быть. Я прошу Васъ, дорогой Михаилъ Александровичъ, сдѣлать это за меня. Я знаю, какъ и сказалъ уже, что воспоминанія мои кратки и смутны и что не такими блѣдными хранятся образы почившихъ въ моемъ сердцѣ. Я знаю также, что гдѣ-то, въ глубинѣ его, лежитъ и то чувство сиротливости, которое я долженъ испытать, когда, успокоившись отъ своего семейнаго горя, вновь вернусь къ своей работѣ о Юріѣ Самаринѣ. Гдѣ два моихъ руководителя въ моихъ изысканіяхъ: одинъ—вдохповляющій любовью на любовь, другой—ревнующій о правдѣ, и оба—отечески благословляющихъ меня на совершеніе подъ ихъ руководствомъ начатаго труда?!...

Да будетъ же трудъ этотъ достойнымъ памятникомъ и одному изъ родоначальниковъ славянофильства, и тѣмъ, кто съ любовью и бережно хранили его слова въ поученіе потомству, и сами были живыми хранителями его русскихъ, православныхъ завѣтовъ!

Любящій Васъ *О. Андреевъ*“.

II.

Такихъ же теплыхъ, благодарныхъ воспоминаній о Ѳ. Д—чѣ полно небольшое письмо С. Н. Булгакова:

„Милый М. А.! пишетъ онъ мнѣ. Въ моей жизни было много случаевъ входитъ въ *личное* соприкосновеніе съ покойнымъ Ѳедоромъ Дм-мъ, но не разъ приходилось убѣждаться въ его сердечной чуткости и внимательной добротѣ, которая поражала и удивляла, проступая изъ-подъ его сдержанной и замкнутой внѣшности. Мнѣ однажды пришлось получить отъ него, еще въ самомъ началѣ нашего знакомства, по случаю тяжелаго семейнаго несчастья, такое теплое

и тонкое письмо, что оно въ свое время дало мнѣ не мало утѣшенія и свѣта, и я храню его не только какъ память, но и какъ одинъ изъ свѣтлыхъ лучей человѣчности, сверкавшихъ въ моей жизни.

Даже самый простой вопросъ о здоровьи близкихъ,—обычно пустая вѣжливость,—въ его устахъ пріобрѣтала такую глубину и сердечную подлинность, что всякій разъ я изумлялся и смущался этимъ, казалось мнѣ, незаслуженнымъ вниманіемъ. И то же самое звучало въ словахъ простой благодарности за какую-нибудь пустяшную услугу или даже за посѣщеніе; въ отзывахъ о работахъ,—при исключительной личной скромности.

Въ духовномъ обликѣ Ѳ. Д-ча лично мнѣ всегда чувствовалось большое страданіе, и оно просвѣтляло и по особому согрѣвало и очеловѣчивало его. Это страданіе дѣлало его не замкнутымъ и сосредоточеннымъ на *личной боли*, но открывало и обогащало его душу, давало ей особенную тонкость и вѣжность. Чувствовалось, что онъ многое можетъ понять и понимаетъ *безъ словъ*, своей душой, разрыхленной страданіемъ. Когда я думаю о Ѳ. Д-чѣ, то я его представляю себѣ лишеннымъ защитныхъ покрововъ сердца, съ внутренней обнаженностью, которая составляетъ крестъ для своего обладателя, но отмѣчаетъ его печатью особенной тонкости, вѣжности и доброты“...
С. Булгаковъ.

III.

А вотъ еще письмо ко мнѣ нашего общаго друга, Влад. Ал. Кожевникова, по болѣзни не могущаго къ сожалѣнію принять непосредственнаго участія въ духовныхъ поминкахъ по Ѳеодорѣ Дмитріевичѣ:

„Дорогой Михаилъ Александровичъ!

Я все не могу свыкнуться съ мыслью, что Ѳ. Д. Самарина болѣе нѣтъ между нами! До того неожиданна была его кончина, несмотря на неважное состояніе его здоровья. Находясь самъ подъ убѣжденіемъ, что я непоправимо боленъ и чувствуя свою слабость, я никакъ не ожидалъ, что онъ опередитъ меня въ отходѣ, и это—тѣмъ болѣе, что дня за три до смерти онъ цѣлый вечеръ провелъ у насъ, и никакихъ признаковъ катастрофы не усматривалось. Онъ ка-

зался бодрымъ; рѣчь лилась оживленнѣе обычнаго; интересъ къ различнымъ вопросамъ, очереднымъ и общимъ, сквозилъ такъ ярко! Много говорилъ онъ о послѣдней статьѣ о Павла Флоренскаго о Хомяковѣ, на которую собирался отвѣчать. Отъ частнаго вопроса бесѣда перешла къ общему—о значеніи таинствъ, объ отношеніи къ нимъ различныхъ исповѣданій, а дальше—о богословіи нашемъ и западномъ вообще. Словомъ: вдоволь побесѣдовали, а, разставаясь, онъ какъ-то, особенно съ чувствомъ, трижды поцѣловалъ меня,—словно простились!.. И вдругъ черезъ три дня эта скорбная вѣсть!.. Оплакивая его, я прежде всего оплакиваю не общественнаго дѣятеля, не утрату строго-научнаго ума, а прежде всего—просто человѣка, удивительно добраго и отзывчиваго, несмотря на свою расхолаживающую видимость, сдержанность. Надо было свыкнуться съ этимъ кажущимся противорѣчіемъ, чтобы правильно разрѣшить его. Сначала, и долго, мнѣ казалось, что онъ какъ-то недружелюбно относится къ проявленіямъ чувства вообще, что преобладаніе въ немъ холодной разсудительности заставляетъ его самого воздерживаться отъ этихъ проявленій и—невольнo стѣсняетъ ихъ и въ собесѣдникахъ. Помню, въ первое время знакомства въ особенности, мнѣ казалось просто невозможнымъ горячо, съ увлеченіемъ говорить о чемъ-либо въ его присутствіи, изъ опасенія, какъ бы въ этомъ аффектѣ не перейти мѣру точнаго разсужденія, какъ бы не погрѣшить увлеченіемъ противъ правильной оцѣнки обсуждаемаго, когда тутъ присутствовало словно воплощеніе самой добросовѣстности, точности и осторожности въ сужденіяхъ и выводахъ. Я высокоцѣнилъ эти достоинства въ немъ, и все же, не скрою, порою хотѣлось, чтобы эта безупречная сдержанность измѣнила себѣ, дала бы волю другому элементу—чувству, которое бы согрѣло, оживило разсудительность. И только при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ этимъ человѣкомъ какъ-то само собою выяснилось, что и въ чувствѣ не было недостатка въ этой чистой душѣ, и что лишь особое какое-то строго-цѣломудренное отношеніе къ личному чувству было, повидимому, причиной этой сдержанности. Теперь мнѣ кажется, что тутъ дѣло было въ нѣкоей боязни навязывать другимъ отзвуки и рефлексy своихъ личныхъ переживаній, а когда дѣло шло о другихъ лицахъ,—въ уваженіи къ достоинству того же

процесса, въ опасеніи какъ бы не задѣть его въ его интимной, сокровенной цѣнности. Что это было, кажется, такъ, я поцѣль послѣ случайныхъ, но постепенно учащавшихся бесѣдъ, личныхъ и письменныхъ, въ этомъ направленіи.. Случалось, что послѣ Вашихъ „четверговъ“ или иныхъ вечеровъ, онъ вызывался проводить меня до дому... Мы шли вдвоемъ, не спѣша, совсѣмъ медленно, при его слабости зрѣнія... и вотъ, въ эти минуты какъ-то легче бесѣдовалось на личные, душевные мотивы. И тутъ-то я впервые прислушался въ достаточной полнотѣ, какъ мнѣ чуялось, къ теплomu бѣнію его, будто бы сдержаннаго, сердца. — много, повидимому, пережившаго личныхъ заботъ и испытаній, но умѣвшаго нести ихъ съ христіанскимъ смиреніемъ, сочетавшимся съ стоическимъ, философскимъ достоинствомъ. Плодомъ этихъ личныхъ переживаній являлась та отзывчивость и жалостливость, которая въ соотвѣтствующихъ случаяхъ выливалась у него въ живой рѣчи или въ письмахъ— и по отношенію къ другимъ. Не сразу прорывалось наружу это сочувствіе, это соболѣзнованіе, но, выявляясь, оно никогда не облекалось въ шаблонныя, затасканныя формы. Сердцу ясно было, изъ какого искренняго, чистаго родника струились эти сочувственныя слова. Такъ бывало каждый разъ, когда, въ періодъ Вашихъ болѣзней, онъ разспрашивалъ или писалъ о Васъ; то же—и примѣнительно ко мнѣ. Характерны были въ этомъ отношеніи его поздравительныя письма. Каждое лѣто къ 15-му іюля, сидя у себя на дачѣ въ Крыму, я зналъ, что съ почты, въ надлежащій день, принесутъ мнѣ толстенъкое письмо его, иногда — чуть не тетрадку цѣлую. О многомъ и разномъ говорилось тамъ; но, что я подчеркиваю, это то, что самое поздравленіе-то съ днемъ Ангела всегда было совершенно чуждо той невольной банальности, которая присуща такого рода формуламъ. Онъ зналъ, что наиболѣе занимаетъ человѣка, гдѣ душевное сокровище его, а слѣдовательно и сердце его, и туда вѣрно, деликатно, но тепло, съ дружественною искренностью направлялъ привѣтъ свой, добрыя пожеланія, а иногда и совѣты. Неторопливый ходъ изложенія, самые размѣры писемъ, помимо тона и духа ихъ, доказывали ярко, какъ далеко все это было отъ выполненія простой формальности. Можетъ быть, я ошибаюсь въ своей характеристикѣ этой стороны

его духовнаго уклада; но такъ я чувствовалъ и еще чувствую,—увы, съ болью сознанія, что этому общенію сердцемъ къ сердцу теперь такой же конецъ, какъ и общенію умомъ къ уму. Впрочемъ, отъ работы ума осталось, думается, многое, ждущее обнаруженія, чтобы стать общимъ достояніемъ. Пожелаемъ, чтобы это состоялось въ видѣ изданія того, что было имъ писано по разнымъ поводамъ и на разныя темы, а сейчасъ—была потребность вспомнать иное, болѣе интимное, болѣе летучее, труднѣе уловимое — и въ этихъ тонкихъ благородныхъ вѣяніяхъ почтить съ любовью одного изъ тѣхъ, про кого сказано: „блаженіи чистиі сердцемъ“...

Вл. Кожевниковъ.

IV.

Въ качествѣ знаменательнаго (такимъ по крайней мѣрѣ онъ является для меня) эпилога не столько къ настоящему чтенію, сколько къ погребенію Ѳ. Д-ча, я хочу передать случай, имѣвшій мѣсто на кладбищѣ Донскаго монастыря въ день похоронъ. Когда, по окончаніи погребенія, присутствующіе начали расходиться, я, вмѣстѣ съ А. А. Корниловымъ и Ниной Влад. Истоминой захотѣли пройти на новое кладбище того же монастыря, но ворота туда оказались закрытыми. Когда мы возвращались оттуда, навстрѣчу намъ попалась скромно одѣтая во все черное, съ чернымъ платкомъ на головѣ, пожилая женщина. Она куда-то спѣшила. Встрѣтившись съ нами, женщина спросила: „гдѣ тутъ могила Ѳедора Дмитріевича Самарина?“ Мы хотѣли указать ей, но такъ какъ кладбище опустѣло и у могилы почившаго никого не осталось, мы затруднились среди множества могилъ указать ту, которую искала женщина. Почувствовавъ, что этой женщиной былъ дорогъ почившій, я попросилъ своихъ спутниковъ не спѣша идти впередъ, а самъ пошелъ съ ней отыскивать могилу. Какъ бы отвѣчая на мой безмолвный вопросъ о томъ, чѣмъ дорогъ ей покойный Ѳедоръ Дмитріевичъ, женщина предупредительно мнѣ объяснила: „Думала, на Даниловомъ хоронять, пошла туда; сюда и опоздала... Благодѣтель нашъ былъ“. Конечно, я не позволилъ себѣ любопытствовать относительно тѣхъ благодѣяній со стороны Ѳедора Дмитріевича, которыя заставили старушку такъ спѣшить къ свѣжей могилѣ нашего друга...

Необыкновенно отраденъ былъ моей душѣ этотъ неожиданный эпилогъ къ скорбному прощанію съ прахомъ дорогого Феодора Дмитріевича. Такимъ тепломъ пахнуло въ душу отъ этихъ немногихъ, простыхъ, безыскусственныхъ словъ благодарной женщины, согрѣвшихъ какъ будто и самую могилу того, кто незримымъ благодѣяніемъ сумѣлъ исторгнуть эту глубокую благодарность изъ человѣческаго сердца...

Заканчивая чтеніе, я позволю себѣ высказать сердечное пожеланіе, чтобы всѣ мы, собравшіеся здѣсь помянуть молитвенно и добрымъ словомъ дорогого Феодора Дмитріевича, въ 40-й день его кончины, возымѣли готовность нелѣпно поминать и въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ раба Божія Феодора.

М. Новоселовъ.

VI.—Замѣтка С. Н. Булгакова.

Ушелъ человѣкъ тихій, молчаливый, сдержанный, скромный. И то дѣло жизни, которое совершилъ онъ, выражалось не въ рѣзкихъ тонахъ и ограненныхъ кристаллахъ, но въ тонкомъ вѣяннн духа. Подобно прозрачному и свѣтящемуся хвосту кометы оно зримо только на разстояніи, да и то не каждому, и многіе проходятъ мимо такой жизни, ея не замѣчая и не вѣдая. Право на историческую память обычно признается лишь за дѣятельностью опредѣленнаго типа, а между тѣмъ иногда бываетъ, что не изъ силы, но изъ слабости, рождаются шумливыя и показныя проявленія, увѣнчиваемыя славой, а отсутствіе шума и блеска порой говоритъ объ особой твердости, мудрости, праведности, независимости. Именно такъ обстояло съ почившимъ. Тому кто только приближался къ его духовному міру, становилось яснымъ, что онъ способенъ выявить себя во внѣ въ разныхъ отношеніяхъ. Прежде всего онъ могъ быть ученымъ богословомъ, а между тѣмъ его литературное наслѣдіе исчерпывается лишь небольшими работами (напр. о первенствующей церкви), свидѣтельствующими какъ онъ умѣлъ работать (и, навѣрно, многими рукописными матеріалами). Онъ могъ значительно ярче явить себя какъ государственный и общественный дѣятель, ибо имъ обнаружена большая ясность и

четкость въ пониманіи наиболѣе сложныхъ вопросовъ, какъ напр. общиннаго землевладѣнія крестьянъ или въ польскомъ вопросѣ, гдѣ онъ показавъ столь исключительную прозорливость, уже съ начала войны, сразу поставивъ вопросъ о независимой Польшѣ, нынѣ вознесенной на поверхность исторіи; родовитость и связи, вмѣстѣ съ имущественной независимостью, открывали ему прямой путь къ широкой государственной дѣятельности, или же церковно-политической, вкусъ и пониманіе къ которой были обнаружены имъ участіемъ въ предсоборномъ присутствіи, въ выступленіи по дѣлу еп. Гермогена и под. Однако всѣ эти возможности остались далеко не вполне проявленными. Отчего это? Конечно, здѣсь сыгралъ свою роль и прирожденный гамлетизмъ, нѣкоторая тепличность быта, сгущенность атмосферы семейнаго преданія и наслѣдственнаго уюта, атрофія волевыхъ мускуловъ вслѣдствіе неупражненія. Не замѣчать или совершенно отрицать это значило бы говорить неправду о человѣкѣ, который былъ воплощенная правдивость. Но еще болѣе это зависѣло отъ положительныхъ качествъ нравственнаго характера, именно совершенно исключительной добросовѣстности, щепетильности, требовательности къ себѣ, умственной осторожности и отсутствіе импульсивнаго самолюбія, способности *не искать своего*. Отсюда и такая, въ сущности, рѣдкая способность къ личной дружбѣ и соборному общенію, такая независимость и непреклонность убѣжденій вопреки гамлетизму, такая чистота духа, не омраченная соблазномъ всегда завистливаго славолубія. Благодаря тому, что Ѳ. Д-чъ умѣлъ молчать, слова его внушали полное довѣріе, на нихъ можно было положиться. Вспоминаю: въ разгаръ „имеславческихъ“ споровъ, когда въ кружкѣ московскихъ мірянъ горячо обсуждались эти вопросы, кн. Е. Н. Трубецкой въ одномъ письмѣ ко мнѣ указывалъ на необходимость особенно внимательно считаться съ настроеніемъ Ѳ. Д. Самарина въ виду особенной чуткости его церковной совѣсти. Думается, не разъ и по разнымъ поводамъ ощущалась потребность самопровѣрки по этому барометру. Потому и пріобрѣталъ такое значеніе всякій отзывъ Ѳ. Д.—ча, похвала ли или критическое сужденіе, всегда [смягченное доброжелательствомъ. Раздражительныхъ и гнѣвныхъ нотъ я вообще не слыхалъ въ его голосѣ и какъ-то затрудняюсь вообразить, потому что

тамъ, гдѣ у большинства выступаетъ гнѣвъ, у него обнаруживается лишь смущеніе и безпомощность. Для его духовной щедрости и самоотверженности показательно то вниманіе, какое отдавалось имъ частнымъ письмамъ. Для людей, причастныхъ къ литературѣ и отравленныхъ изобрѣтеніемъ Гуттенберга, частныя письма нерѣдко утрачиваютъ свою непосредственную задачу—быть средствомъ общенія душъ, а не только сообщенія тѣхъ или иныхъ нужныхъ свѣдѣній, развивается скудость на мысли, отдаваемыхъ не живой дружбѣ, но безличному печатному слову, открытому письму къ неопредѣленному адресату. Посмотрите напр. переписку Вл. Соловьева: какъ скудна она и малосодержательна сравнительно съ богатствомъ его же мыслей въ его сочиненіяхъ. Въ Ѳ. Д—чѣ же было наоборотъ: тамъ, гдѣ мы норовимъ написать статью, онъ ограничивался дружескимъ посланіемъ.

Всѣ эти черты складываются въ совокупности въ рѣдкій по своей цѣльности и чистотѣ нравственный характеръ, неуклонное „хожденіе предъ Богомъ“ нѣсколько ветхозавѣтнаго типа. Правда, ему не свойственна поэтическая окрыленность и смѣлые взлеты, но за то несвойственна и притязательность, переоцѣнка себя, нескромность, безпочвенность. Покойный ходилъ по землѣ и не хотѣлъ отъ нея отрываться, даже не мыслилъ такого отрыва. Землей же этой была для него духовная и историческая родина: святыня Православія, тронъ, преданіе рода. Человѣкомъ земли былъ Ѳ. Д—чѣ, онъ вросъ въ нее глубоко и крѣпко. И когда многое шаталось отъ набѣгавшихъ вихрей, историческихъ и мистическихъ, онъ оставался непоколебимъ, хотя и скорбный страхъ уже закрадывался въ его душу; а когда сердца устремлялись къ грядущему, „землѣ новой“, онъ хранилъ вѣрность землѣ древлей. Въ этомъ идейномъ консерватизмѣ, осознанномъ и углубленномъ до своихъ религіозныхъ и историческихъ корней, имѣется свое обаяніе и содержится непрекаемая цѣнность. Въ немъ сущность стараго московскаго славянофильства, которое въ лицѣ Ѳ. Д—ча можно было наблюдать облеченнымъ въ живую плоть и кровь. Но онъ былъ и однимъ изъ послѣднихъ могиканъ этого уклада жизни. Ибо „странниками и пришельцами“, оторвавшимися отъ стебля и гонимыми историческимъ вѣтромъ, все настойчивѣе принуждаемся мы ощущать себя въ исторіи. И съ

вѣстью о смерти О. Д.—ча невольно являлось чувство: для себя онъ умеръ во-время, ибо умираетъ уже его эпоха, исчезаетъ изъ міра та устойчивость формъ, безъ которой нельзя представить себѣ его существованія иначе какъ агоніи, историческій кристаллъ расплавляется въ огнежидкую лаву.

Цѣломудренному смиренію его ума соотвѣтствовала и цѣломудренная стыдливость сердца, съ незлобивою и благожелательностію, вѣдомыми его знавшимъ. Личныя свои впечатлѣнія въ этомъ отношеніи я набросалъ въ письмѣ къ М. А. Новоселову¹⁾. Въ жизни сердца, такъ же какъ и въ жизни ума, приходилось о немъ угадывать больше, чѣмъ выражалось въ словѣ или даже жестѣ, хотя жестъ его внутренній и внѣшній, для человѣка внимательнаго, былъ столь же краснорѣчивъ, какъ и его ласковая тихость.

Мои личныя отъ него воспріятія смыкаются и вмѣстѣ подтверждаются неуловимымъ и однако, для меня убѣдительнымъ и подлиннымъ впечатлѣніемъ,—отъ лица его смерти: въ немъ свѣтилось что-то дѣтское. То тяжелое и гнетущее, какъ воспринималась для него жизнь, растаяло; узы, которыми прикрѣпленъ онъ былъ къ праху, разрѣшились; мгла заволоченности, часто облагавшая его лицо своею дымкою, разсѣялась. И обнажились черты первозданнаго характера, съ которымъ человѣкъ вступаетъ въ міръ, какъ стоитъ его духъ на грани воплощенія. И была плѣнительна и своей чистотой, и своей беззащитностію эта обнажившаяся дѣтскость... Да упокоитъ Господь вѣрующую его душу!

С. Булгаковъ.

¹⁾ См. тутъ же, стр. 573-574.